

Здравствуйте,
Уважаемый Борис Николаевич!

Обращаюсь к Вам как президенту
РСФСР, как россиинцу, как к земляку,
как просто человеку.

Во-первых немного о землячестве:
родился я в 45ом году в городе
Ташуе, Свердловской области. Воспи-
тывался в семье сложившихся одето-
ательств в детском доме г. Ташуе
с в здании бывш. помещика Поклев-
ского. Затем учился в нашей родном
УИИ. Уехал по путевке в Волгоград.
Как было трудно, рассказывать нет сил.
Это другой город, другие люди, хотя
можно сказать, что много настоящих
людей. Но, всё лучшее у меня связано со
Свердловском, а люди Урама есть и будут
до конца жизни земляками, т.е. самыми
близкими людьми. Очень радо и счастливо, что
президентом России стал мой земляк.
С самых первых дней Вашей борьбы
мыслили я было с Вами. Никогда не было
и мысли сомнеть, чтобы не творили
Ваши враги, как и что не творили.
В большой или малой мере я было
рада за Вас и всегда поздравляла те-
леграммами, вместе с тысячами других
единомышленников.

Но сейчас речь идет не о том.

№ 0342

- 2 -

Речь сейчас идет о другом, т.е. о состо-
янии помещений в стране. Будет ли не быть
около "Башкирского" в те темные дни все
эти дни, 19, 20, 21 августа. Но мы сейчас сут-
ками сидим у экранов своих телевизоров
и читаем сводок, как когда-то наши родите-
ли их читали с войны. И так же мысленно
о похороненных во-время похорон. Да "жизнь"
открыла свое лицо, но это только лицо, а
корни, корни они по всей стране. И именно
здесь на периферии, в таких городах как
в Волгограде. И они не делают, они сплещи-
ваются и идут своего рода, а такие дешово-
реты, как наш т. Махарадзе В.Ф. Это люди
с двойным лицом, т.е. как говорят у нас на
Урале "и наши, и ваши". А посмотрите
кого он вытесняет вместо себя, т. Владушин,
который готов служить любому трюку. Ведь
кому как и Махарадзе звать такую политику
вышедшую зомби т. Владушин во время
путешествия: придут крестные, деньги думать будем,
придут деньги, крестных думать будем. А как он
сейчас всех одноклассников работников типа
бывшего секретаря т. Акимово устраивает
в однопольном, своим советником. Поэтому
прошу Вас! осторожнее выбирайте свои коллег.
Я все равно Васими выдворен, таких как
т. Сиваев И.С., т. Шахрей С., т. Хасбулатов Р.И.,
т. Соболев А., т. Попов Г. и так далее. Но увы -

Маже радзе — 3 — это не тот человек, Вы часто пользуетесь его информацией в своих выступлениях, но это далеко не так. А что делается на предприятии. Ведь начальники выполняют указы сверху и под любыми предлогами выкидывают за ворота многомиллионные. Меня не выкинули, но без всяких причин просто не допустили к работе и создали такие условия, просто нечеловеческие и я было вынуждено уйти по собственному желанию, чтобы не сорвется и не заработать себе тюрьму. А ведь у меня 30 лет непрерывного стажа и я остаюсь не удел, а это самое тяжёлое, самое невыносимое состояние, но ужас это так. И таких же несчастья в Волыноград несколько тысяч. Самое страшное, что это лучшие люди города: инженеры; врачи, милиционеры, учителя, юристы. И хотя, казалось бы, "хутора" взята, но у нас борьба резко обострилась. И самое страшное что делается нами руководителями города. Особо это наши прокуроры во главе с его председателем Коломичевым, прокуратуре во главе с Рудневским, УВД во главе с Дерюжковым, милиция во главе с Щукшиным и т.д. Поэтому, ради бога, будьте осторожны, внимательно, мы все вас дезинформировать и пристраивают к Вам в единомышленники. У нас идёт очень сильная борьба, но корень "хутора" уже сильно и действующим сплочено

открыто и ясно, хотя они не видят друг друга. Но в данный момент они воюют за коммунистическую, власть, систему. Вся власть в городе в их руках. А мы можем только Вас поддержать мысленно.

Уважаемый, Борис Николаевич! кратко о себе высказал мою статью в газете "Городские вести".

Не надеюсь получить ответ от Вас, но считаю за счастье пообщаться с Вами.

Мой адрес: 400033, Волгоград-33,

ул. Мясникова, дом 4, кв 69

Анжиной Тамаре Васильевне.

До свидания

Всегда с Вами в единственном числе
до конца, какой бы он не был.

С уважением Шиф.

65

65

Лично

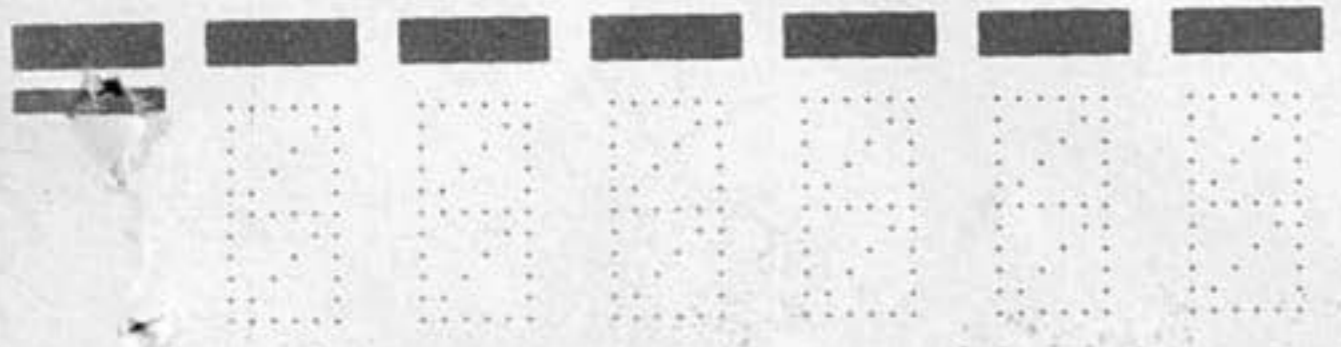

Куда Москва,
Кремль,
президенту
россии

Кому Евгению Борису
Николаевичу

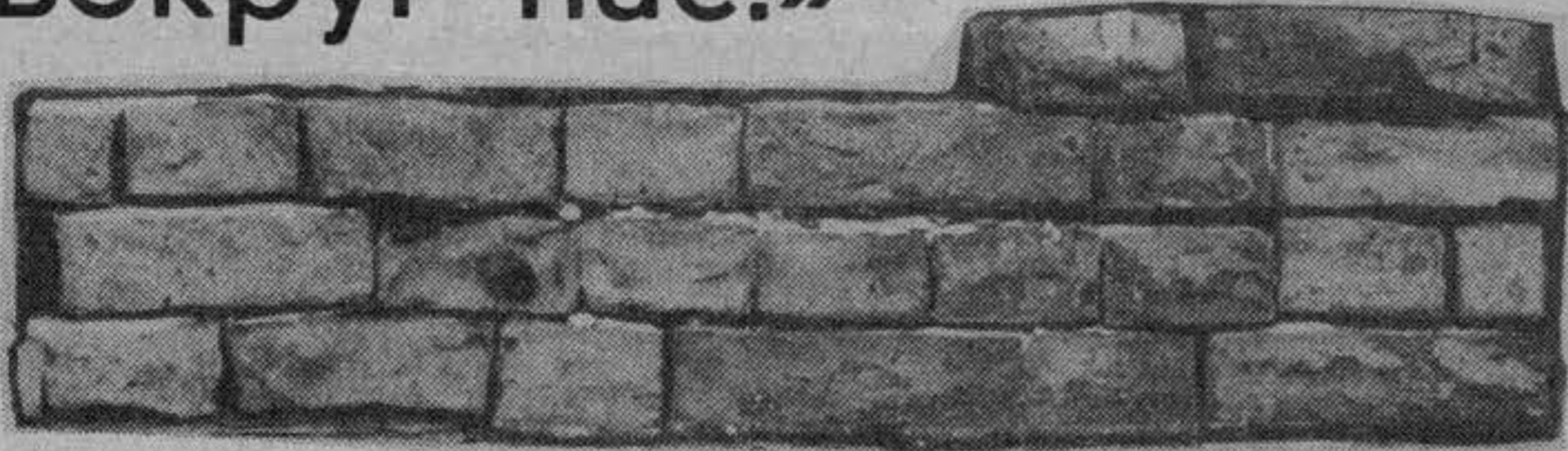
Индекс предприятия связи и адрес отправителя

[Handwritten signature]

Пишите индекс предприятия связи места назначения

«Как же всем нам надо измениться, чтобы изменить все вокруг нас!»

Размышления перед юбилеем

Городское производственное управление водопроводно-канализационного хозяйства (в обиходе — «Водоканал») нынешней осенью будет отмечать 100-летний юбилей. По такого рода случаям местными летописцами история коллектива, обычно пишется сочными мазками знаменательных дат, километрами прорытых траншей, рапортами прежних и нынешних начальников. Человека в этих «анналах» обычно нет, есть масса, героически преодолевающая трудности. И вдруг — это письмо в нашей почте. Так и озаглавлено: «Размышления перед юбилеем». Прочитали и пришли к единому мнению: вот она, история, история хотя и последних, но наиболее сложных для «Водоканала» лет. Пропущенная через душу и сердце человека.

Сейчас у нас горячие предъюбилейные дни. И как хорошие хозяйева мы с помощью кооператоров с шикарной помпезностью отделяем аппараты, даже при входе в контору вешаем хрустальные люстры, заказываем специальные кресла в красный уголок. Вы спросите — зачем? Вам ответит председатель совета трудового коллектива Н. И. Самарина: «А как же, к нам ведь придут гости»...

Да, я согласна. Только если бы везде у нас так. Но кто заглядывает за парадный фасад, увидит «блеск» здания фильтров, базы вспомогательных цехов, Краснооктябрьской водоочистительной станции, где нет элементарных условий труда, туалетов и душевых, даже маленькой

раздатки, где низкие убогие клетушки, грязные и ветхие. Такие вот наши контрасты...

Сама я пришла сюда работать в январе 1981 года — в службу главного механика инженером. Пришла после большой трагедии — у меня погиб муж. Первое время я ходила на работу, онемев от горя, никого и ничего не слышала, а потом надолго слегла в больницу. Но коллектив мне очень помог, я поднялась, стала входить в курс дела.

Был у нас гл. механиком А. В. Бояльский, человек грамотный, имеющий свое мнение. Через некоторое время пришел в управление новый начальник И. В. Безотосный. Начались кадровые перестановки. Бояльский Безотосного не устраивал, и у нас появился новый гл. механик В. В. Кропотин. К сожалению, подход к делу у него оказался не тот, что у предшественника, работа его интересовала постольку-поскольку, появились нарушения. Глядя на это, рабочие участка стали понимать, что творится что-то не то. А я пошла к руководству. Обошла всех. Посчитала необходимым поставить в известность и начальника управления. Он очень внимательно меня выслушал, поблагодарил за все, и я ушла с мыслями о том, что правильно сделала, зайдя к нему. И тут, совершенно случайно подняв трубку параллельного телефона, услышала его разговор с Кропотиним. Начальник предупреждал о том, что я «много знаю».

Что было делать? Я написала в контрольно-ревизионное управление. Дальше события развивались молниеносно. Гл. механик мне сказал, что сотрет в порошок. А через некоторое время принес приказ о моем увольнении. Это было тридцатого января, а в приказе значилось двадцатое. Выходило, что я уже десять дней как уволена.

Не зная, что делать, я пошла к прокурору Центрального района. Он позвонил начальнику, объяснил правила увольнения, а мне сказал: «Идите, работайте, пусть они согласуют с профсоюзом».

И вот — собрание. Откровенно говоря, шла на него и думала: уж завком-то заступится за меня. Сколько читала, что даже где-то в далекой капиталистической Америке и то профсоюз защищает права работающего,

а уж у нас, в стране социализма...

Но началось собрание — и не могу понять: все знакомые вроде бы лица, добрые отношения у меня со всеми, но не узнаю своих товарищей. Наш цех догадался прислать предцехкома, чтобы он пояснил, что к чему. Но его попросту выгнали: иди сейчас же отсюда, иначе будет проставлен прогул. Он ушел. Что творилось дальше, я даже не знаю, с чем сравнить. Только заметила: когда голосовали, люди руки поднимали, а головы были опущены... Проголосовали за увольнение...

От нашего управления по набережной я шла пешком, лицо застывало слезы. В голове мелькали кадры моей жизни... Голодное послевоенное детство. Мать нас прятала от дождя под столом, потому что дом стоял без крыши. А когда мать заболела, меня отдали в детдом, а братьев — в ремесленное училище. А я убежала домой и кричала: «Мама, забери меня, я картошку нечищенную буду есть, только оставь дома»... А она лежит и плачет. Вспоминала, как в детстве мы собирали малину, и воспитатель не разрешила нам пробовать ягоды, а сама дала мне бидон и попросила набрать для ее детей. Я бросила бидон и сказала: «Нам нельзя — и вашим детям тоже нельзя». Она меня ударила по лицу. Я до сих пор ощущаю на щеке этот удар... Я вспоминала, как пошла работать и учиться, как приехала попутке в Волгоград на завод. Как мы получили квартиру, кооперативную, заняв деньги. Спустила четыре месяца убило на заводе моего мужа... Как болел ребенок, как отдавала долги и у меня в годы «строительства коммунизма» не было денег даже на сахар. Как убило второго мужа прямо на моих глазах. Как мой ребенок, моя девочка несколько раз была на грани жизни и смерти (только общее переливание крови шесть раз)...

Пришла домой, дочка испугалась моего вида. Села есть, а есть не могу — душат слезы. Вдруг телефонный звонок. Родной брат из другого города. Я ему рассказываю о себе, а он: «Если ты позволишь с тобой таким образом, значит, ты в чем-то замешана. Если нет — борись, иначе я тебя перестану уважать».

И я начала бороться. Как раз в это время шел 27-й съезд КПСС. Послала в Москву телеграмму. Вскоре пришла комиссия во главе с З. К. Бахтуриной. Комиссия все проверила, сделала выводы. Меня восстановили на работе, а гл. механика освободили от занимаемой должности и передали документы в следственные органы. Следователь вызывал наших рабочих, сказал, ждите повестки в суд...

Но суда так и не было. А те, кто меня увольнял, все пошли на повышение. Например, парторг Л. Л. Котова вскоре была переведена в райком зав. идеологическим отделом (сейчас в исполкоме, где председателем И. В. Безотосный). Кропотина назначили главным механиком облводоканала, а затем — в горкомхоз. Говорят, он меня до сих пор благодарит за продвижение по службе.

После восстановления на прежнем месте, я работала одна, в то время как раньше — шестеро. Кто уволился, кто повысился, кто ушел на пенсию. Но какое ко мне было отношение начальников — трудно передать. Куда ни приду, что ни спрошу — никакой помощи. Начнешь возмущаться — отвечают: пиши, жалуйся...

Управление наше все эти годы катилось в пропасть. Но вот начальника управления перевели председателем Центрального райисполкома. Встал вопрос о выборах нового начальника. Нашлись и претенденты на эту должность, молодые, желающие что-то изменить. Я активно участвовала в подготовке выборов, была делегатом конференции, выступала на ней, откровенно говорила о недостатках и о тех, кто эти недостатки плодит.

Первый тур выборов результата не дал. Но моя активность не понравилась в то время исполняющему обязанности начальника управления А. П. Морозову и главному инженеру В. И. Лазареву. Была предпринята попытка избавиться от меня. Послали в командировку. А пока меня не было, без меня, как говорится, меня женили — уволили по сокращению штатов. Правда, на этот раз не надолго — не дал согласия профсоюз.

А выборы у нас все-таки состоялись. Пришел новый руководитель — Г. П. Пантин. Молодой, инициативный. Многие с ним связывают надежды на перемены в нашем хозяйстве. Хотя обстановку у нас по-прежнему ой как не просто складывается. А тут еще эта торговля дефицитом на предприятии. Сколько ссор она порождает, обид. Особенно в это предъюбилейное время. Я как член комиссии по распределению дефицитных товаров, постоянно сталкиваюсь с этим. Ветераны, пользующиеся преимущественным правом приобретения дефицита, в основном сидят в конторе. Ведь слесари-ремонтники, токари, рабочие других специальностей — они чаще всего не долго выдерживают в наших условиях. А потому товары значительной массой оседают в конторе.

Как-то обо всем этом мы повели разговор с новым начальником управления. Мне понравилось то, что он, не смотря на все наши про-

изводственные неурядицы прекрасно понимает, что не решив вопросы социальной справедливости, мы не придем и к новому качеству работы на производстве. Обсуждали мы и то, почему в наших коллективах так много ходит разных слухов, чего только не говорят. В том числе — уже и про нового начальника. Я сказала: это все потому, что СТК не информирует систематически рабочие коллективы о своих решениях. Все у нас делается как-то скрытно от людей. И если новый руководитель хочет, чтобы его поддержали люди, надо добиться широкой гласности в освещении всех наших дел — и производственных, и социальных.

А еще я твердо знаю: какую бы помощь ни выделял нашему управлению (а это ни много ни мало 400 тысяч из городского бюджета), чтобы подлатать к юбилею наши прорехи, ничего у нас с перестройкой не получится, если не изменимся мы, работники управления. Если у нас у всех не возникнет, наконец, вопрос который недавно с большой выказала монтер с тридцатилетним стажем работы в «Водоканале» Н. А. Новикова: «Чем же мы, люди, заняты? Почему мы не ищем ответ на вопрос — как же мы будем работать дальше, что с нами всеми будет завтра?»

Ох насколько же нам всем надо измениться, чтобы изменить все вокруг нас!

Мне часто задают вопрос: что ты всюду суешься, травишь себе жизнь, что ты имеешь от этого?

Что я могу ответить? Я часто думаю, какое оставлю наследство своей дочери и внукам. Деньги? Она их сама заработает. Но, мне страшно, что ей встретятся такие руководители, которые так же, как и меня, будут унижать, оскорблять ее. Мне порой хочется крикнуть: «Люди честные, сделайте все возможное, уберите всех подлецов и бюрократов от власти, сделайте лучшую, свободную жизнь для своих детей... Давайте проснемся от летаргического сна, не дадим оскорблять и обманывать себя...»

Пишу эти записки всю ночь, уже пятый час утра. В шесть я буду собираться на работу. Кто-то в это время будет на аварии, кто-то будет раздувать, как заполучить тот или иной дефицит... Не знаю, как пройдет мой очередной рабочий день. Но знаю, что если снова столкнусь с несправедливостью (по отношению к себе лично или к кому-то другому — все равно), я приду в кабинет любого руководителя, остановлю на дороге, но выскажу свои сомнения, претензии, спрошу с глазу на глаз о том, что не дает мне покоя. Потому что любая несправедливость меня ранит сильнее, чем физическая боль.

А пока им, моим судьям, которые недоумевают и порой открыто спрашивают у меня, чего мне не хватает в жизни, чтобы, наконец, успокоиться, я мысленно отвечаю — совести в мире, который окружает всех нас.

Тамара Аникина,
работница управления
водопроводно-
канализационного
хозяйства.